

— Очень вкусно, ешь. — Фу Кунь потянул за края маски, прикрывавшей лицо мальчика, и слегка ущипнул его за щеку — ощущение мягкой кожи было на удивление приятным.

К тому времени, как матушка вернулась домой вместе с Фу Ицзэ, нагруженные стопками тетрадей и ручками, обед был уже готов. Фу Кунь только что занес кастрюлю в комнату.

— Твой батюшка на этой неделе поздно возвращается со смены, — матушка указала на табурет у стола. — Садись, нам нужно поговорить.

— Мам... — Фу Кунь неохотно опустился на стул, поглядывая на Фу Ицзэ, который мялся неподалеку.

— Ицзэ, иди в маленькую комнатку, посмотри книжки. Твой старший брат сейчас будет переживать, что теряет лицо. — Матушка отвела Фу Ицзэ в комнату, дала ему несколько комиксов, а вернувшись, держала в руках тетрадь, в которой Фу Кунь обычно рисовал.

Фу Кунь смотрел на тетрадь, не понимая, что она задумала.

— Нарисуй-ка что-нибудь для мамы. Нарисуй тот момент, когда я сегодня отвесила тебе пинок.
— Матушка положила тетрадь перед ним.

Фу Кунь помедлил, достал карандаш. Что она затеяла? Неужели она догадалась, что он каждый день сидит за столом не над уроками, а за рисованием?

Он набросал несколько линий и, склонив голову, принялся за работу. В конце концов, нарисовать матушку, раздающую пинки, было проще простого.

Спустя десять минут рисунок был готов. Матушка взглянула на него и довольно кивнула: — Очень неплохо. А я уж думала, что левой рукой ты рисуешь хуже, чем правой. Давай еще один — нарисуй, как твой младший братишка шлепнулся на землю.

Фу Кунь опешил, но всё же выполнил требование матушки: нарисовал маленький кругляш, сидящий в сугробе.

— Неплохо, очень похоже, — матушка взяла тетрадь, изучила рисунок и снова кивнула.

— Мам, вы что творите? — не выдержал Фу Кунь.

Матушка не ответила. Одним движением она вырвала оба листа из тетради и, прежде чем Фу Кунь успел опомниться, принялась рвать их на части.

Фу Кунь остолбенел, глядя, как матушка превращает его рисунки в полосы, затем в клочки, а после — в крохотные обрывки.

Закончив, матушка вышла в центр комнаты и рассыпала обрывки по полу: — Собирай и склеивай обратно.

— Мам! — взвыл Фу Кунь. — Да как это собрать-то?! Один рисунок еще куда ни шло, но два, да еще так мелко!

— Я пойду готовить, а ты занимайся. Не соберешь — останешься без ужина. — Матушка надела фартук и, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

— Мам, да лучше бы вы меня просто отлупили! — продолжал кричать Фу Кунь.

— Еще чего, больно много чести, — донеслось из коридора. — Склеивай!

Фу Кунь тяжело вздохнул, долго смотрел на гору бумажного мусора, а потом начал медленно собирать обрывки в кучку и перекладывать на стол.

С чего вообще начать?

Пока он мучился, Фу Ицзэ бесшумно выбрался из комнаты, придвинул табурет, взобрался на него и уселся прямо, словно примерный ученик.

— Ты чего? — спросил Фу Кунь.

Мальчик промолчал, протянул руку, перебрал несколько клочков бумаги и отложил их в сторону.

Фу Кунь следил за его движениями и заметил, что брат отбирает чистые, без рисунков, кусочки.

— А иметь младшего брата — это всё-таки хорошо, — Фу Кунь понял замысел Фу Ицзэ и расплылся в улыбке.

Фу Ицзэ по-прежнему не произнес ни слова, лишь усердно продолжал сортировку. Тогда Фу Кунь тоже припал к столу и принялся помогать.

Вскоре с белой бумагой было покончено. Дальше стало сложнее: Фу Кунь выуживал крупные фрагменты рисунков, пытался сообразить, где их место, и выкладывал на столе. Но спустя долгое время удалось собрать лишь половину матушкиной «невидимой ноги».

— Эх... — вздохнул Фу Кунь. — Похоже, сегодня я останусь голодным.

Фу Ицзэ перестал помогать, соскользнул со стула, забежал в комнату и достал из кармана своей ватной куртки пакетик воздушной кукурузы, который дал ему Фу Кунь, и положил его на стол.

— Ты чего? — опешил Фу Кунь. — Не съел?

— Ты ешь, — сказал Фу Ицзэ и выбежал из комнаты.

Фу Кунь растерялся: — Ты куда?!

Когда Фу Ицзэ вбежал на кухню, он увидел, что матушка болтает с соседками и готовит обед. В кухне было полно народу, и он смутился, вцепившись в дверной косяк и не решаясь войти.

— Ой, Шуцинь, это что, твой сынок? — спросила одна из соседок.

Матушка обернулась и увидела его: — Что случилось, Ицзэ?

Мальчик молчал, глядя на неё, и уже через пару секунд его глаза наполнились слезами.

— Что, плакать собрался? — склонилась к нему одна из соседок-старушек.

— Что случилось, малыш? Твой брат тебя обидел?! — матушка бросила лопатку и бросилась к нему, прижимая к себе.

Слезы, стоявшие в глазах Фу Ицзэ, покатались по щекам. Он всхлипнул и пробормотал: — Позвольте брату поесть...

— Ой, хорошо-хорошо, не плачь, малыш, — матушка поспешно вытерла ему лицо. — Пусть ест, пусть, конечно, ест.

Когда матушка за руку притащила Фу Куня в комнату, он как раз пытался собрать свой «нарисованный зад». Она с порога набросилась на него: — Отвечай, это ты подговорил Ицзэ прийти и плакать передо мной?

— А? — Фу Кунь опешил и, упрямо вскинув подбородок, возразил: — Нет! Я сам разбираюсь со своими делами, с чего бы мне просить мелкого за меня заступаться?

— Значит, сам пришел? Ой, у меня сердце разрывается от того, что он плакал, — матушка прижала руку к груди. — Весь в слезах просил: «Позвольте брату поесть».

Фу Кунь посмотрел на матушку и невольно хмыкнул: — Ну и ну...

— Ладно, заканчивай собирать, всё равно ничего не получится, — она махнула рукой и притянула его к себе. — Кунь-цзы, мама не запрещает тебе рисовать. Ты рисуешь хорошо, и я рада, но уроков там всего ничего — за час можно управиться. Почему бы не сделать их сначала, а потом рисовать сколько влезет?

Фу Кунь нахмурился и прикусил губу: — Просто мне скучно.

— А то, что учителя постоянно требуют родителей в школу, тебе не скучно? — матушка сверкнула глазами. — Думаешь, мне весело, когда они меня со всех сторон одолевают?

Фу Кунь открыл рот, но не нашелся, что ответить.

— Смотри: ты дерешься, на уроках ворон считаешь, подделываешь мою подпись — я ведь даже не ругаю тебя, так? — она вздохнула. — Я не жду, что ты будешь паинькой, но уроки — это минимум. Я с тобой при родах чуть жизни не лишилась, пожалей хоть немного свою мать, хватит заставлять учителей меня вызывать, а?

Фу Кунь опустил голову и молчал.

— Отвечай, неужели для родной матери нельзя уроки сделать? — матушка подтолкнула его.

— Сделаю! — стиснул зубы Фу Кунь. — Буду делать. На самом деле, это я просто из-за больной руки ленился.

— Рисовать рука болит, а буквы писать — лень? Договорились: делаешь уроки!

— Угу, — кивнул Фу Кунь.

— Хороший сын, молодец. — Матушка похлопала его по плечу.

Сказав это, она помчалась на кухню: — Ой, еда подгорает!

Фу Кунь вышел из комнаты. Фу Ицзэ стоял на коленях на стуле и собирал рисунок со стола. Фу Кунь внимательно заглянул в его глаза — не похоже, что тот плакал, видимо, матушка нажала «кнопку», и слезы полились сами.

— Ицзэ, — он подошел, обхватил его сзади и поднял, усадив себе на колени на диван. — Иди сюда, дам брату тебя чмокнуть.

Фу Ицзэ никогда не целовали, и такая просьба озадачила его — он сидел на коленях Фу Куня и не шевелился.

Фу Кунь притянул его к себе и звонко чмокнул в щеку: — Я вот думаю, зачем ты побежал к маме? Меня защищать?

Мальчик молчал. Это был первый раз, когда кто-то его поцеловал, и это ощущение — щекотное, но теплое — было очень приятным. Он обвил шею Фу Куня и тоже чмокнул его в лицо.

— Ого, даже с чмоком! — Фу Кунь долго смеялся, вытирая лицо. — Всю морду мне слюнями измазал, ты что, лизался?

Фу Ицзэ промолчал, долго смотрел на Фу Куня, а потом опустил голову и застенчиво улыбнулся.

Фу Кунь остолбенел и лишь спустя долгое время заорал в сторону коридора: — Мам! Ицзэ умеет улыбаться!

От этого крика Фу Ицзэ чуть не свалился с колен. Он смутился еще больше и попытался сбежать.

— Не дергайся, не дергайся, я больше не буду кричать, — смеясь, удержал его Фу Кунь. — Ну же, улыбнись брату еще раз.

Фу Ицзэ уставился на него, улыбка исчезла, и на лице снова появилось привычное, растерянное и испуганное выражение.

— Эх... — Фу Кунь разочарованно ущипнул его за щеку. — Неужели так сложно улыбнуться?

Фу Ицзэ опустил глаза, разглядывая свой свитер, и молчал. Фу Кунь слегка подпрыгнул на месте: — Слушай, Ицзэ, давай договоримся.

Мальчик кивнул.

— Если я буду тебя смешить, ты будешь улыбаться, идет?

— Угу, — тихо отозвался Фу Ицзэ.

Фу Кунь подышал на ладони, сунул их под свитер мальчику и пощекотал ему бока: — Смейся!

Фу Ицзэ никогда не щекотали. Сначала он опешил, а потом начал отчаянно вырываться и спустя пару секунд рассмеялся. Это был другой смех — звонкий, залиvistый, очень громкий.

Фу Кунь вошел в азарт и принялся щекотать его живот и бока. Фу Ицзэ катался по дивану, пытаясь увернуться, и смеялся так, что не мог открыть глаза.

Лишь спустя долгое время Фу Кунь остановился и потыкал его в щеку: — Мелкий, ты оказывается так громко смеешься!

Фу Ицзэ лежал на диване, тяжело дыша, лицо его покраснело от смеха.

— Хорошо, когда есть брат? — Фу Кунь щелкнул его по носу. Он еще ни разу не спрашивал об этом напрямую.

— Хорошо, — Фу Ицзэ дважды кашлянул и кивнул.

На следующий день после наставлений матушки наш «честный» Фу Кунь, едва доев обед, припал к столу в своей комнатке и принялся за уроки. Родители в гостиной смотрели телевизор.

На самом деле уроков было немного: переписать текст, вставить пропущенные слова, составить предложения, да решить пару примеров. Но хотя левая рука и могла писать, буквы получались кривыми, а писать справа налево он не умел — именно поэтому он так не любил домашку.

Раньше он отлынивал через раз, а как повредил руку — так и вовсе забросил.

Фу Ицзэ всё это время тихо сидел рядом, подперев щеку ладонью, и наблюдал за братом. Даже когда матушка звала его смотреть телевизор, он не пошел.

Фу Куню самому хотелось глянуть — там как раз начали показывать Легенду о героях кондоров, причем именно те серии, где появились Восточный Еретик и Западный Ядовитый, но он держался из последних сил. Раз уж он дал слово матушке, придется держать марку. Да и скоро конец семестра, всё равно долго смотреть не дадут.

Раздражало лишь то, что телеканал всегда ставил этот фильм как раз во время экзаменов. С учетом повторов, он уже третий раз пытался посмотреть его целиком — и всё никак!

— Ицзэ, — Фу Кунь отложил ручку и потянулся, — ты не хочешь посмотреть телевизор?

— Нет. — Фу Ицзэ лежал на столе, подперев лицо руками. Он смотрел на Фу Куня с того самого момента, как тот сел за уроки.

— Эх, кто-то мечтает посмотреть, но не может, а кто-то может, но не хочет, — Фу Кунь вздохнул, а потом вдруг улыбнулся. — На самом деле, если я хочу посмотреть, я могу это сделать. У меня есть секретное оружие.

Фу Кунь осторожно открыл ящик стола и вытащил перископ.

Фу Ицзэ наконец сменил позу и подался вперед, разглядывая штуковину в руках брата.

— Это перископ, — понизил голос Фу Кунь. — Позволяет видеть то, что находится за углом. Нас на уроке труда научили делать. Смотри...

Фу Кунь тайком высунул перископ из-за двери в сторону телевизора и кивнул Ицзэ: — Гляди.

Фу Ицзэ заглянул в окуляр, его глаза округлились, и он обернулся: — Вижу!

— Прикольно, да? — Фу Кунь улыбнулся и протянул перископ брату. — Играй.

Фу Ицзэ был очень тихим: что наблюдая за Фу Кунем, что глядя в перископ — ни звука.

Фу Кунь писал уроки и размышлял: матушке точно бы понравился такой ребенок. Она всегда твердила, что он слишком неугомонный, голова от него идет кругом.

Но если не считать того, что Ицзэ лишил его игрушек, лишил личного пространства, да еще и прибрал к рукам его мышей из пельменного теста, Фу Кунь находил брата довольно милым, особенно после того, как тот побежал просить за него матушку.

— Ицзэ, — Фу Кунь бросил ручку и повернулся, чтобы снова похвалить брата, но картонная трубка перископа, направленная прямо ему в лицо, напугала его. — Ты чего?

— Смотрю на тебя, — прищурившись, ответил Фу Ицзэ.

— Можно ведь и напрямую смотреть, ты что, прицеливаешься? — Фу Кунь недоуменно отстранил перископ.

— Если так смотреть, видно только твое лицо, — тихо пояснил Ицзэ.

— А? — Фу Кунь взял перископ и взглянул на брата — из-за маленького расстояния в зеркальцах действительно было видно только лицо Фу Ицзэ. — И правда.

Для Фу Ицзэ, у которого почти не было игрушек, этот перископ оказался настоящим сокровищем. Весь вечер он не выпускал его из рук, даже лег спать, сжимая в ладонях.

— Так нравится? В следующий раз сделаю получше. Этот из картона, не очень прочный, — Фу Кунь подложил руку под голову. То, что его поделка вызвала такой восторг, тешило его самолюбие. — Сделаю тебе из тюбика от зубной пасты.

— Угу, — Фу Ицзэ закрыл глаза, обнимая перископ.

— Спи давай, я уже с ног валюсь. — Фу Кунь закрыл глаза.

Ицзэ затих. Через пару минут Фу Кунь почувствовал, как рука брата потянулась к нему и ухватилась за край его штанов.

Фу Кунь не шевелился, гадая, что тот задумал.

Ицзэ немного подержал ткань, сжал два слоя в пальцах и начал слегка потирать.

— Чего делаешь? — тихо спросил Фу Кунь.

— «Тихое потирание», — также тихо ответил Ицзэ.

— «Тихое потирание»? Прямо как мелкий воришка.

Фу Ицзэ промолчал, отдернул руку и принялся тереть край наволочки.

Фу Кунь подумал, что «тихое потирание» — это, видимо, личное название Ицзэ для его привычки тереть кусочки ткани.

— А зачем ты это делаешь? — Фу Кунь коснулся его руки.

— Если не буду тереть, не усну, — ответил Ицзэ, продолжая слегка тереть ткань пальцами.

— Давай я тебе стишок расскажу, послушаешь и уснешь.

— Угу.

Фу Кунь подумал и вполголоса начал: — Первоклассник — маленький бобовый стручок, подпрыгивает, когда его толкают... Второклассник — маленькая миска, ткни — будет дырка...

Ицзэ молчал, продолжая тереть наволочку.

— Маленький дурачок сидит на пороге, плачет и требует жену. Зачем тебе жена? Свет зажигать, разговаривать, свет гасить, вдвоем быть... завтра утром косички заплету... — Фу Кунь начал другой стишок.

— Она будет заплетать тебе косички? — не понял Ицзэ.

— ...забудь, лучше три наволочку, — вздохнул Фу Кунь.

— Угу, — отозвался Ицзэ, и пальцы снова зашуршали по ткани.

Фу Кунь хмыкнул: — Ну что за привычка? Мои штаны лучше или наволочка?

— Штаны.

— Еще и перебирает, — Фу Кунь посмеялся и притянул руку брата к себе. — Тогда три штаны.

— Угу. — Ицзэ ухватился за штанину, потирал еще немного, а потом рука медленно остановилась, и он уснул.

Утром Фу Куня по привычке вытащила из-под одеяла матушка, но сегодня он не сопротивлялся, так как Фу Ицзэ таким же образом «эвакуировали» следом.

— Ицзэ сегодня первый день в школе... — матушка расставляла завтрак на столе.

— А батюшка где? — Фу Кунь заглянул в комнату.

— У него утренняя смена, ушел в полшестого, — матушка хотела помочь Ицзэ одеться, но тот так ловко справился сам, что она лишь помогла заправить свитер Фу Куню, который с больной рукой возился уже минут десять. — Ты води брата, доведи его до класса, понял?

— Угу, — кивнул Фу Кунь.

— И если будет время на перемене, загляни к нему, узнай, всё ли в порядке.

— Угу.

— А после школы...

— Ой, — Фу Кунь с зубной щеткой во рту нетерпеливо направился к выходу. — Я в садик сам ходил, и туда, и обратно, чего с ним столько возни.

— Меньше болтай! — крикнула вслед матушка.

Когда он вернулся в комнату после умывания, матушка как раз разводила молоко. Насыпав порошок в чашку, она повернулась за термосом.

Фу Ицзэ увидел полчашки сухого молока, зачерпнул ложкой и отправил в рот.

Фу Кунь заметил это и собрался было улизнуть, но матушка вцепилась ему в воротник: — Товарищ Фу Кунь!

— Чего?! — дернулся он.

— Честно отвечай, ты вчера как давал Ицзэ молоко?

— Просто так давал, ложкой, чего такого? Я торопился, не успевал разводить, — он бросил взгляд на Ицзэ, который замер с ложкой в руках, кажется, начав понимать, что молоко едят не так. Пришлось добавить: — Я и сам часто сухое какао сухим ем...

— Разве это одно и то же! От сухого молока будет несварение, питательные вещества не усвоятся! Еще и жар поднимется, — матушка вздохнула и залила молоко горячей водой. — Ицзэ, молоко нужно разводить водой. В следующем месяце я закажу вам обоим молоко, будешь пить готовое. Твоему брату доверять нельзя, не бери с него пример.

Обычно в школу Фу Кунь ездил вместе с Сунь Вэем — на одном велосипеде как раз хватало места. Но с появлением Ицзэ всё усложнилось: на женской раме вдвоем не уместиться, надо ехать втроем.

Сунь Вэй ездил плохо, и если бы не больная рука Фу Куня, ему бы не пришлось никого возить. Но если Фу Кунь повезет Ицзэ и Сунь Вэя... Сунь Вэй не возражал, а вот Ицзэ явно был недоволен — он всё время прижимался к Фу Куню, не желая касаться Сунь Вэя.

— И что делать? — Сунь Вэй был в унынии. У него была сестра Сунь Сяо, так она всегда сама ходила в школу, никаких проблем с ней не было.

— Беги за нами, — махнул рукой Фу Кунь, слегка приподнял Ицзэ и посадил на заднее сиденье.

— А? Не по-пацански это! — возмутился Сунь Вэй. — Мы сколько лет дружим, а ты из-за брата, который у тебя всего два дня, заставляешь меня бежать за великом?

— Будем бежать по пять минут по очереди, — Фу Кунь сел на велосипед. — У тебя же часы есть, замеряй. Потом я побегу.

В первый день в школу Фу Кунь и Сунь Вэй так и добирались — меняясь каждые пять минут.

Ицзэ чувствовал себя превосходно: сидел на заднем сиденье, глазел по сторонам и болтал ногами.

Когда они добрались до школы, Сунь Вэй еле дышал: — Слушай... надо что-то придумать... так дело... не пойдет...

— Он просто стесняется, — Фу Кунь был бодр. Он с детства лазил по деревьям и заборам, постоянно дрался и убегал, так что пробежка для него была разминкой. — Привыкнет — станет лучше. Хочешь, завтра я побегаю побольше? Ты совсем расслабился.

— Да когда он еще привыкнет! Он до сих пор ни разу не назвал меня братом, — Сунь Вэй не питал иллюзий насчет будущих пробежек.

— Брат, привет, — вдруг сказал Ицзэ, соскакивая с заднего сиденья.

— О, сказал! Сказал! — Сунь Вэй вытер нос, сияя от радости. — Привет!

<http://bllate.org/book/21935/2278929>